

I

Шёл дождь. Серая набережная, окропленная мелкими каплями, издавала тёплый запах, какой обыкновенно бывает в городе во время весенней оттепели. Троллейные специально обходчики шныряли и протыкали под зонтиками свои худые фигуры. Никто даже не смотрел в сторону одинокого мальберта, очень давно стоявшего на набережной.

Почтительно, как и положено на мальберт, изображало, по-видимому, чей-то портрет, размытый дождем и весенней солнцем так, что невозможно было разобрать ничего, кроме инициалов «М.И.П.» в правом нижнем углу и шаз в самом центре картины.

Какие это были шазы! Сколько боли заключалось в этом пронзительном взраще. Какое страдание и какую всемогущую муку выражали эти полузакрытые серые очи.

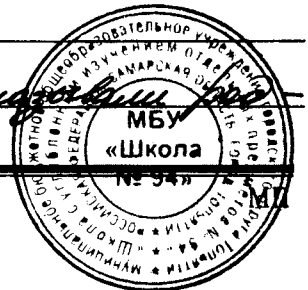
Впрочем... этого никто не замечал. Все торопилось бежать, не желая ни на мигнуту задерживаться на грязной водеи грязной набережной. Дождь шёл. Точно как и погода назад.

II

В этот день Шарикон Лислов проснулся от холодной капли, свалившейся прямо на его волоски нос. Он открыл глаза и встретил взор прямо перед собой на низкий потолок чердака с оставшейся штукатуркой. За дверью послышались голоса и шазы.

«Кого там в такую рань? Неужто поздравлять? Успех поздравить Шарикон, но голоса затихли, и он с облетевшим взращем».

С самого детства Шарикон, как его называли

ственики, был очень замкнутым ребёнком. Весёлыми играми со сверстниками он предпочитал проучки без цели, сопровождаемые тяжёлыми молчаниями. И вот теперь, в день своего рождения, он вновь был погружён в тяжёлые думы:

- Двадцать три... почти четверть века. Двадцать три... В моём возрасте Ньютоном уже открыт свой Закон всемирного тяготения... Двадцать три...

Маслов его превращался скрипом отворяющейся двери:

- Маслов! Ваш залпек, - раздаётся звонкий голос соседки, поманившей на комод, стоявший около двери, узкую бумажку со следующим текстом:

«Дорогой Ларчик! Хотите в охотку и впрямь. Выставка перенесена на сегодня.

Друзь твои Аркадий.»

«Вот уже тебе, бабушка, и Юрьев день!» - подумал Маслов, недовольно нахмурил брови.

III

Уже через тридцать минут Уильямом входил в парадную дверь обширного помещения, гордо носившего название «Выставочный зал».

- А! Здравствуй, ильминник! Счастья и всего-всего. А теперь живо развешивай картины, до открытия десяти минут, - торопливо сказал Аркаша Неваткин, организатор выставки и по совместительству друг Маслова.

Ильминник ничего не ответил и, сняв с себя пальто, принялся с меланхолическим видом расплачивать холсты на софрах стенах.

Нужно сказать, что Маслов через свои

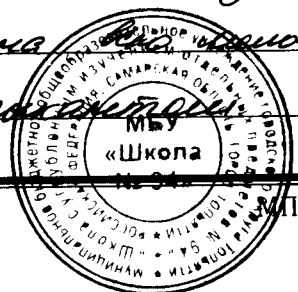
пытается передать чувства, которые нельзя выразить словами. И каждый раз, когда работы Умарнома под-
вержены критике, в груди его просыпалось что-то непо-
чел, что-то, медленно перекладывая из душевной боли
в физическую.

Но всё же молодой художник считал своим дол-
гом высказывать мнения посетителям выставок. И в
этот раз он остался в выставочном зале и сам встре-
чал пришедших «ценителей искусства».

Желающих увидеть картины было немало. В
основном это были пожилые дамы, балованно прохатни-
вавшиеся лишь полотнами, либо совсем молодые люди,
пришедшие сюда, скорее всего, от скуки.

Но на этот раз внимание Умарнома привлек
мужчина в шляпе с пером, вот уже пятнадцать
минут стоявший у одной картины, написанной
прощай землей под выцветшим синеватым цветом,
вызывающей мучительным зрением, увиденным во
время прогулки по набережной.

Маслов вновь вспомнил тот эфирный день.
Вспомнил скрипача, замёрзшего, но уверенно игра-
ющего двадцать четвертой каприсе Лачини. Перед
этими уже немалодуши человеком лежал раскрытой
чехол от старой потрескавшейся скрипки, на дне
которого блеснули несколько монет и цинкично бро-
шенное кем-то пуровилье. Молодого человека вне-
запно охватил какой-то страх, какое-то смут-
ное предчувствие. Он вырвался из картины
и, не раздумывая, пошел перед музеем.

Эсполненные Шинриона развелись от чего-то
мудавно чиня. Художник обернулся и увидел перед
собой тако самоо мужчину в шиняе.

- Иркините. Ви автор картини? - с нежданном ак-
центом пражнее человек, - я шить шелатне сакасать
у вас картини.

У Масива в голове помутнено. Заказать карти-
ни. И у кого? У него!

- Мне нравятся франци холсты. Я много пла-
тить! - добавил иностранец.

- Что вы хотите, чтобы я нарисовал? Что дол-
жно быть на картини? - резко спросил Масив.

- Ваши мудрота.

- Что, простите? - переспросил обескураженнои
младои человек.

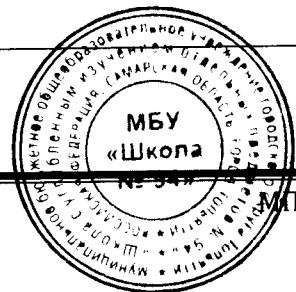
- Ваши мудрота. Через месяц на набереж-
ной, - сказал страннои францаи и поспешно вышел
из выставочного зала.

III

Тыи дождь. Масив, накинув старое пальто не-
ожидо цвета, пошл на набережную с завернутои
в газету картини, заказанои иностранцем месяц
назад.

Этот месяц прошл в творческих муках, обес-
траиных чувствами, которые вновь переживали мо-
лодой человек во время написания картини.

«Ваши мудрота...» - эта фраза нет-нет да
мелькала в голове Шинриона.

Чувства. Было бы хоть одно светлое... А то ведь сплошная тоска"; - думал художник, глядя белую краску с чёрной.

А теперь он уже стоял на набережной и ждал. Мужики не было. Проходившие мимо люди косились на картину, высокомерно усмехаясь.

"Смеется, смеётся, - думал Маслов, - я привык. С детства ничем много в вас и не встречал..."

Стенная. Виднее маленькую что-то красное.

- Торо! Идёт... - мелькнуло в голове молодого человека.

И действительно к нему приближалась массивная фигура того самого странного человека, Маслов назад заказавшего картину.

Мужчина подошёл и с довольными лицом сказал:

- Эй! Какой мерзость. Басре можно такое?

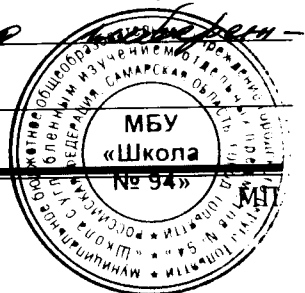
Маслов обомшел от удивления:

- Что? Да вы же сами... - пообсуждению резко пражис он уже срывившись в темноту и иностранцу.

Художник отказывался понимать, что такого было в его картине, изображавшей лицо молодой девушки с очень печальными глазами, которую сам молодой человек назвал "Моя тоска".

Вдалеке звучал двадцать четвёртый хорус Таганки:

- Вероятно, и этот бедняга тунт, - подумал Маслов и ушёл, оставив картину на набережной.

После этого сирая Уинифрида навела поше-
лиды свои перчатки, предварительным выбросив все ногти,
кисти и краски. Никто его больше не видел.

V

... шёл дождь. Своей набережной, орошаемой мал-
кими каплями, издавала тёмный запах, какой обычно
бывает в городе во время весенней зноги. Про-
хожие спешно обходили лужи и проталины под зонта-
ми свои забывая фигуры. Никто даже не смотрел в
сторону мраморной, очень давно стоявшей на этой на-
бережной.

Никто. Кроме молодого человека в стороне почти
песочного цвета Он подошёл к картине и заговорил:

- Ну здравствуй! Мне тоска.

Со всех сторон послышался оштрафованный шепот:

- Умерщвительский! Суицидальный!

- Ваши чуртки! Ваши чуртки! Вот они,
мои чуртки, - почти крикнул человек, раскинув
руки! - Мне тоска...

Круглая капля упала прямо на его высо-
кий лоб. Он, как будто что-то вспомнив, вздох-
нул, схватил картину и ушёл.

Долго по гранитной набережной слыша-
лись его тяжёлые шаги, перебиваемые звуками
двадцати четвёртого каприза Лавины.

